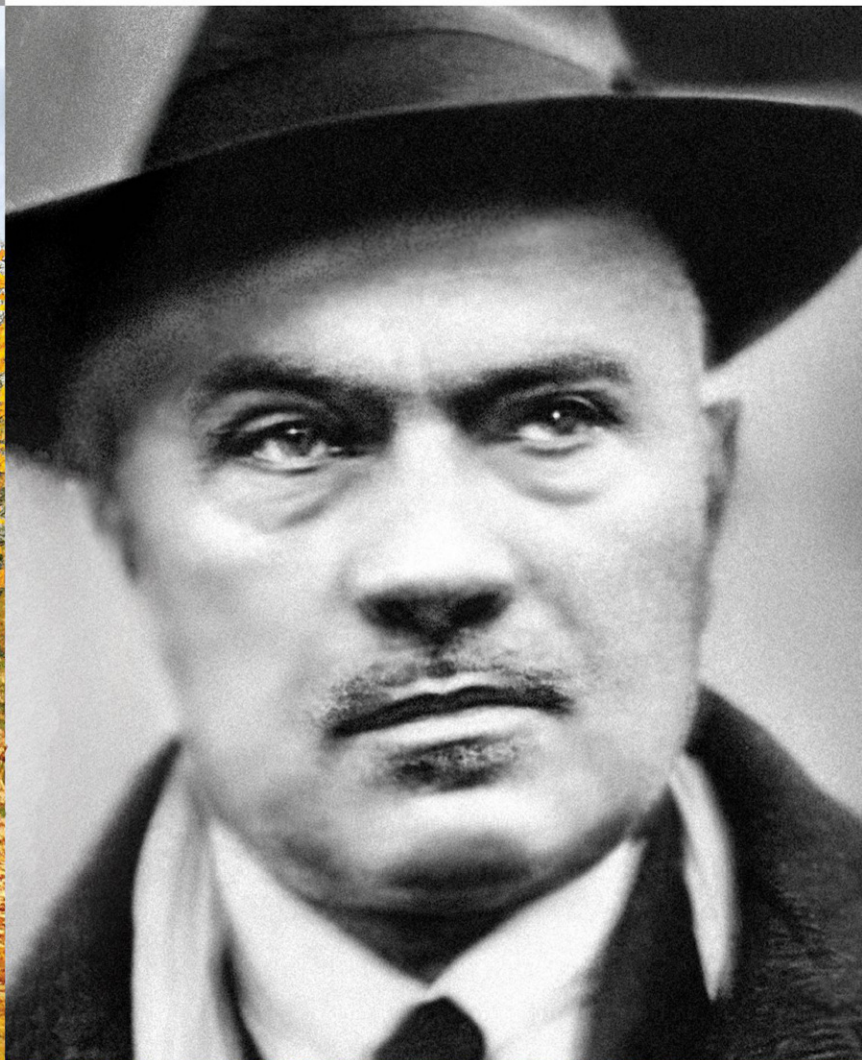

АЛЕКСЕЙ ЩУСЕВ

Александр
Васькин

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Жизнь замечательных людей

Александр Васькин

Алексей Щусев: Архитектор № 1

«ВЕБКНИГА»

2023

Васькин А. А.

Алексей Щусев: Архитектор № 1 / А. А. Васькин —
«ВЕБКНИГА», 2023 — (Жизнь замечательных людей)

ISBN 978-5-235-04794-5

«У красоты рецептов нет!» – любил повторять Алексей Викторович Щусев. Удивительный это был человек. Сооружений, построенных по его проектам, хватило бы на целый город, в котором нашлось бы место храмам и театрам, вокзалам и мостам, станциям метро и гостиницам, жилым домам и санаториям и даже одному мавзолею. И все это сделано с большим вкусом и чувством меры. Но как один архитектор мог все это успеть? Откуда брал силы и где черпал вдохновение, называя себя «вечным стахановцем»? Об этом и рассказывает новая книга писателя и историка Александра Васькина. Фигура Алексея Щусева предстает перед нами на фоне сложной и противоречивой эпохи, в которой творил выдающийся зодчий (а точнее, двух эпох – царской и советской). Он прошел все – огонь, и воду, и медные трубы, пережил взлет и падение, но сумел сохранить человеческое достоинство и собственный творческий почерк. О работе Щусева в России, Италии, Грузии, Украине, Азербайджане, Молдавии, Узбекистане; о его взаимоотношениях с видными деятелями русского искусства – Михаилом Нестеровым, Верой Мухиной, Павлом Коринным, Иваном Жолтовским, Александром Бенуа, Евгением Лансере, Наталией Гончаровой, Николаем Рерихом; о его неосуществленных проектах повествует эта книга. При написании биографии Щусева автор изучил массу архивных документов, многие из которых приводятся и цитируются здесь впервые (в том числе табель с гимназическими оценками и даже трудовая книжка). Книга выходит к 150-летию зодчего.

ISBN 978-5-235-04794-5

© Васькин А. А., 2023

© ВЕБКНИГА, 2023

Содержание

Предисловие. Город Щусева	7
«Я из запорожских казаков»	9
«Проклятый город Кишинев!»[11]	14
«Хороший рисунок – лучшее толкование идеи»[17]	20
Под ударами судьбы	23
«Думы о Москве всегда были связаны с Кремлем»	25
В Петербурге: мечты сбываются	29
Уроки Архипа Куинджи	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Александр Васькин

Алексей Щусев: Архитектор № 1

© Васькин А. А., 2023

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2023

Предисловие. Город Щусева

Если бы все здания, построенные по проектам Алексея Викторовича Щусева собрать в одном месте, то их хватило бы на целую улицу, где ни один из домов не повторял бы другой. Впрочем, не будем мелочиться, не только улицу – из щусевских зданий вышел бы широкий проспект или даже целый город, где есть все, что нужно для жизни. И высокие дома с обширными квартирами (обитать в которых одно удовольствие), и учебные заведения – институты и академии, и свой театр, и места для работы – административные здания. Несомненно, что в этот город захотели бы приехать множество гостей, к услугам которых Щусев спроектировал огромный вокзал. А разместиться такая уйма народа могла бы в комфортабельных гостиницах, также созданных архитектором. В этом «городе Щусева» предусмотрено все для удобного передвижения на личном и общественном транспорте. Здесь есть метро (станцию которого зодчий также спроектировал), свой каменный мост – красивый и огромный, свои гранитные набережные, обнимающие полноводную реку.

Жить в таком мегаполисе (какое жуткое слово! Но ничего не поделаешь – синоним!) одно удовольствие. Но поправлять здоровье все равно иногда надо, для этого есть у Щусева санатории. А духовной пищей наполнены художественные галереи и библиотеки. Стоят здесь и свои храмы. Их много, и каждый неповторим. Есть и монастырь – тихая обитель. А при храмах (как и положено на Руси) свой погост. И здесь Щусев также внес свой неоценимый вклад, создав самую известную в мире усыпальницу.

Бродить по городу Щусева можно долго, днями и неделями. Ибо быстро и слегка пробежаться по его улицам не получится – около каждого здания захочется остановиться, рассмотреть, взглядеться попристальнее. Ведь каждое из них отражает свою эпоху и в искусстве, и в истории, и в политике. Но и сам архитектор давно уже воспринимается как некая константа. Про таких людей нынче говорят: «человек-эпоха». Недаром так трудно найти подходящий эпитет к его образу – российский или советский? Родился в Кишиневе, учился в Петербурге, жил и работал в Москве. Строил везде – в Италии, Грузии, Украине, Азербайджане, Узбекистане... А ученики его рассеялись по всему свету, прививая «щусевскую» науку уже своим наследникам по творчеству...

О Щусеве сейчас в основном пишут или «великий», или «выдающийся». А я, листая пожелтевшие архивные бумаги и подшивки старых архитектурных журналов, пытался обнаружить какое-то «неизбитое» определение Щусева и его архитектуры... И, кажется, нашел. Еще в 1914 году (тогда Щусеву едва перевалило за 40 лет) в «Архитектурном еженедельнике» № 17 об Алексее Викторовиче написали, что он «является самым ярким и многообещающим представителем современной русской архитектуры... Работы Щусева почти всегда проникнуты каким-то легким едва уловимым оттенком тихой грусти, далеки от банальности и манеры и превосходно выражают наш настоящий русский стиль, стиль неудачно понимавшийся и трактовавшийся на протяжении всего XIX века». Хорошо написано про «оттенок тихой грусти», тем более что чуть позднее о Щусеве будут писать исключительно «энциклопедическим» слогом, не предусматривающим лирики. Что-то в этой оценке есть глубоко человеческое.

Отмечая 150 лет со дня рождения Алексея Викторовича Щусева мы, безусловно, вспоминаем его работы, прославившие нашу архитектуру на весь мир. Но важно не забывать и каким человеком был архитектор, ибо наполнявшие его душу эмоции, чувства, впечатления самым непосредственным образом отражались на его проектах. И о зодчем Щусеве, и о человеке рассказывает эта книга.

В 2015 году в малой серии «ЖЗЛ» была издана моя первая книга об архитекторе – «Щусев: Зодчий всея Руси». Она вызвала большой интерес. С тех пор я не прекращал изучение биографии Алексея Викторовича, в том числе и архивных источников. Нынешняя книга –

«Алексей Щусев: Архитектор № 1» – написана на основе прежней с привлечением новых материалов – воспоминаний и архивных документов, ряд которых публикуются в этом издании впервые.

«Я из запорожских казаков»

«Национальной архитектурой Щусев владел в совершенстве и своих помощников он направлял к уважению национальных традиций»¹ – так вспоминал один из учеников Алексея Викторовича. А потому кажется совершенно неслучайным, что герой нашей книги появился на свет на тогдашней окраине Российской империи – в Кишиневе, главном городе Бессарабской губернии. Случилось это знаменательное событие 26 сентября 1873 года. Предки Щусева переехали в Бессарабию из Малороссии в начале XIX века. Позднее зодчий писал: «У меня сохранилась бумага, где сказано, что предок мой, Константин Щусев, служил в войске Запорожском есаулом, из чего я заключаю, что происхожу от украинских казаков, то есть предки мои как бы сродни легендарному борцу за свободу Тарасу Бульбе».

В есаулы запорожский казак и хорунжий Константин Щусь был произведен за участие в штурме турецкой крепости Измаил в 1790 году под водительством самого Александра Суворова. Турки сопротивлялись отчаянно, потеряв убитыми 26 тысяч человек. Но и наши потери были немалыми, хотя и в разы меньше турецких, – четыре тысячи русских солдат сложили свои головы у подножия казавшейся неприступной крепости. Так что предку Щусева еще повезло – судьба сохранила его от османской пули.

И если Александр Суворов, произведенный в подполковники лейб-гвардии Преображенского полка, остался такой наградой крайне недоволен, считая ее явно недостаточной оценкой своего военного таланта, то Константину Щусю было грех жаловаться. За доблесть свою он был возведен во дворянство и наделен большим земельным наделом в три тысячи десятин. А еще получил он и новую фамилию: в жалованной ему дворянской грамоте он был назван Щусевым. С тех пор всех его потомков и звали Щусевыми.

Уж не знаем, сильно ли расстроился новоиспеченный есаул от такого зигзага судьбы – ну не отказываться же теперь от дворянства! А вообще-то «щусь» – украинское название красивой болотной птицы кулик. Так что наш герой мог быть и Куликовым.

В жизни Щусева случился эпизод, когда у него была возможность продемонстрировать свое казачье происхождение. В 1891 году, на первых порах своего обучения в Императорской Академии художеств он жил на академической даче близ Вышнего Волочка в Тверской губернии, сдружившись там со многими своими сверстниками, будущими художниками. И вот однажды молодежь решила инсценировать живую картину – репинских «Запорожцев». Среди тех, кто участвовал в этой сценке, был и потомственный запорожский казак Алексей Щусев. К слову, сама картина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану» так ему понравилась, что он часами простаивал у полотна, впервые показанного в Академии художеств в 1891 году.

Так кем же был Алексей Щусев – русским или украинцем? Ответ на этот вопрос находим в бессмертном гоголевском романе «Тарас Бульба»: «Бульба был упрям страшно. Это был один из тех характеров, которые могли возникнуть только в тяжелый XV век на полукочующем углу Европы, когда вся южная первобытная Россия, оставленная своими князьями, была опустошена, выжжена дотла неукротимыми набегами монгольских хищников; когда, лишившись дома и кровли, стал здесь отважен человек; когда на пожарищах, в виду грозных соседей и вечной опасности, селился он и привыкал глядеть им прямо в очи, разучившись знать, существует ли какая боязнь на свете; когда бранным пламенем обьялся древле мирный славянский дух и завелось козачество – широкая, разгульная замашка русской природы, – и когда все поречья, перевозы, прибрежные пологие и удобные места усеялись козаками, которым и счету никто не ведал, и смелые товарищи их были вправе отвечать султану, пожелавшему знать о числе их:

¹ ГНИМА ОФ-6490/6. Кокорин В. Д. Воспоминания об А. В. Щусеве и его встрече с Ф. И. Шаляпиным в 1919 году. [Рукопись.] Публикуется впервые.

“Кто их знает! у нас их раскидано по всему степу: что байрак, то козак” (что маленький пригорок, там уж и козак). Это было, точно, необыкновенное явление русской силы: его вышибло из народной груди огниво бед... Словом, русский характер получил здесь могучий, широкий размах, джужу наружность».

Да не укорит нас читатель за эту цитату – Гоголя вспомнить всегда уместно, тем более когда речь заходит о казачестве, которое великий писатель обессмертил в своем произведении. Стоило прочесть весь абзац, чтобы подойти к его итоговой фразе: «Русский характер получил здесь могучий, широкий размах, джужу наружность». Кажется, что это написано об Алексее Щусеве. Посмотрите на его огромный лоб, на котором будто не хватает залихватского чуба Тараса Бульбы, на глубоко посаженные умные, пристальные глаза, крупный нос – да в нем же весь русский характер, широкий и могучий!

А та самая историческая бумага, напоминавшая зодчему о его казачьих корнях, была выдана в городе Ольвиополе², где в начале XIX века жили потомки есаула Константина Щусева. Напоминавший своим названием о существовавшей здесь когда-то греческой колонии Ольвии, Ольвиополь был заштатным городком Елизаветградского уезда Херсонской губернии, возникшего при слиянии рек Буга и Синюхи. Чего здесь только не было, ведь Ольвиополь связывал собой рубежи трех государств – России, Польши и Турции. Имелись кожевенный и винокурный заводы, пять маслобоен и восемь кузниц, и еще много всякого, без чего не может обойтись мелкий провинциальный городишко...

Важнейшим городским учреждением в Ольвиополе был суд, где и служил еще один представитель рода Щусевых. В списке должностных лиц Херсонской губернии на 1806 год, хранящемся в Российском государственном историческом архиве (РГИА), мы находим упоминание о губернском секретаре Ольвиопольского уездного суда Петре Павловиче Щусеве³. В 1818 году Петр Павлович служил в той же должности, но уже титулярным советником⁴. Должность секретаря суда невесть какая важная, но с вполне определенным влиянием в среде провинциального чиновничества, ставшего объектом пристального внимания Гоголя.

Появился Алексей Щусев на свет в семье Марии Корнеевны, урожденной Зозулиной, и Виктора Петровича Щусевых. Отец, надворный советник, служил поначалу в земстве, затем – смотрителем богоугодных заведений (кишиневской земской больницы). В отставку он вышел накануне рождения третьего сына – Алексея. Это был исключительно порядочный и интеллигентный человек, совершенно непохожий на хрестоматийный образ смотрителя богоугодных заведений Земляники («человека толстого, но плута тонкого»), и жил лишь своим денежным содержанием. А потому, когда в семье возникали финансовые трудности, то в отсутствие иных источников дохода, приходилось использовать (если можно так выразиться) внутренние резервы: сдавать в аренду дом, а самим переезжать в менее просторный близлежащий флигель, продавать землю с садом и т. д. Правда, семья жила дружно, и недостаток материального достатка компенсировался душевной теплотой, которой окружали родители своих детей. И потому в трех комнатах флигеля обретались в тесноте, но не в обиде.

Как пишет младший брат Алексея Щусева Павел, «...отец наш владел когда-то клочком хуторской земли на Украине в Херсонской губернии, недалеко от города Балты. Землю эту он постепенно проживал... Отец наш был невысокого роста и говорил с сильным украинским акцентом. В начале 1880-х годов он был уже стариком (родился в 1824 году) и давно состоял на пенсии, но сохранил большую любовь к строительству. Во дворе целый день звучал его раскатистый голос. Постоянно он покупал какие-то штабеля камня, которые годами лежали без употребления и, наконец, продавались из-за отсутствия средств. В селе Дурлешты под Киши-

² Ныне Первомайск Николаевской области.

³ РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 585.

⁴ Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Р. Х. 1808 года. Ч. 2. С. 242.

невом он имел большой фруктово-виноградный сад, куда часто ехал “хозяйничать”, но также без особого успеха»⁵.

Вот, оказывается, откуда у потомственного казака Алексея Щусева страсть к зодчеству! Но если для его отца это было чем-то вроде хобби, то для сына стало делом всей жизни.

Как и было принято, мать Щусева, Мария Корнеевна, не работая, всецело занималась воспитанием детей. Будучи более чем на два десятка лет моложе мужа, человеком она была начитанным и хорошо образованным, знала несколько иностранных языков. Любовь к наукам и искусству она прививала детям с первых лет их сознательной жизни. «Наша мать была тоже украинского происхождения из-под Голты, где находился хутор ее отца... Будучи женщиной от природы умной и даровитой, она пользовалась всеобщим уважением в городе, участвовала в общественной и театральной жизни Кишинева, выступая в спектаклях общества любителей драматического искусства. Любящая, но строгая мать, она была прекрасной хозяйкой»⁶, – вспоминал Павел Викторович Щусев.

Мария Корнеевна хорошо рисовала, быть может, это ее увлечение и развилось впоследствии в дар, которым обладал ее сын Алексей. Ни галерей, ни музеев в Кишиневе не водилось, однако, видя, что Алексей начинает заглядываться на репродукции Тициана и Рубенса, она не только не препятствовала этому, а даже старалась не отвлекать сына домашними делами.

Кстати, через много лет, в 1916 году Щусев за свои деньги создаст галерею для Кишинева, приобретая полотна современных живописцев: «Я покупаю вещи для музея в Бессарабии – купил Машкова, Кончаловского, Нестерова и Конёнкова»⁷.

Мать прививала детям любовь к театру и музыке. Благо, что в Бессарабской столице нередко гастролировали российские и итальянские театральные труппы с операми Чайковского и Глинки, Россини и Верди, Гуно и Мейербера. А среди самих кишиневцев очень популярно было хоровое пение. Большим признанием пользовались хор Духовной семинарии, архиерейский хор, любительский хор. И семья Щусевых была очень певучей. Нередко, когда вечерами все собирались вместе, начинался импровизированный домашний концерт. Обычно старую казачью песню заводил отец. Затем вступали мать и дети.

В будущем Алексей Щусев не раз проявит свои музыкальные способности, а одним из его любимых инструментов на всю жизнь станет гитара. Хорошо разбирался он и в классической музыке, сопровождающей все его творчество. В 1942 году побывав как-то на концерте, где исполнялась «Ленинградская» симфония Дмитрия Шостаковича, Щусев под влиянием музыки великого композитора сразу же по возвращении домой встанет за мольберт и создаст графическую композицию «Седьмая симфония». Музыка Шостаковича вдохновит его и на создание пантеона в память о погибших в Великой Отечественной войне. Вообще же, Щусева можно назвать одним из самых музыкальных зодчих России. Он, к примеру, любил цитировать композитора Михаила Глинку: «Красота музыкальной мысли вызывает красоту оркестра». При этом Алексей Викторович перефразировал: «Красота архитектурного замысла обеспечивает красоту архитектурного ансамбля»⁸.

Главную свою задачу родители видели в том, чтобы вывести своих детей в люди, дать им разностороннее образование. А это было не так-то просто в условиях отдаленности от столицы и провинциальности кишиневской жизни. Да и безденежье давало о себе знать. Дети выросли, а пенсия Виктора Петровича не позволяла особенно шиковать. Вот и от кухарки пришлось отказаться. А в 1880 году в дом взяли на постой трех гимназистов, проживание которых оплачивали их родители из зажиточных крестьян.

⁵ Щусев П. В. Страницы из жизни академика А. В. Щусева / Сост. М. Евстратова. М.: С. Э. Гордеев, 2011. С. 17.

⁶ Щусев П. В. Страницы из жизни академика А. В. Щусева / Сост. М. Евстратова. М.: С. Э. Гордеев, 2011. С. 17.

⁷ Письмо А. В. Щусева П. И. Нерадовскому.

⁸ ГНИМА. ОФ-6490/7. Кокорин В. Д. Выписки с высказываниями А. В. Щусева об архитектуре. Публикуется впервые.

Так что забот в семье хватало. И надо отдать должное Алексею: пока старшие братья учились в гимназии, он старался по возможности помогать матери. Ему нравилось, например, возиться с самым младшим братом – Павлом, чуть ли не нянчиться с ним. Мать с удовлетворением наблюдала за тем, как взрослеет ее третий сын, как проявляются его лучшие качества – забота о близких, интерес ко всему новому и неизвестному, богатое воображение. Но порой Мария Корнеевна замечала в Алексее и чрезмерное упрямство. Но ведь это качество было и в ее крови. Недаром, Гоголь писал, что «Бульба был упрям страшно»!

У Алексея Щусева была старшая сестра Мария⁹ (дочь отца от первого брака) и три брата – Сергей, Петр и Павел. Все они, благодаря родителям, получают высшее образование. Мария и Петр изберут для себя медицинскую профессию – сестра, окончив Высшие женские медицинские курсы в Санкт-Петербурге, станет земским врачом, а старший брат, выпускник Императорской Военно-медицинской академии в Петербурге, отправится в Эфиопию с отрядом Красного Креста лечить местных жителей. Его помнят в Эфиопии до сих пор, поскольку он составил первый для этой страны медицинский справочник на абиссинском наречии, за что был награжден императором Эфиопии именной саблей и почетной звездой.

Петр Викторович Щусев (1871–1934) будет учиться у академика Ивана Петровича Павлова и работать с ним в Институте экспериментальной медицины. Он оставил значительный след в русской медицине, написав по итогам своей экспедиции на Дальний Восток в 1911 году «Кратчайшее руководство для помощников врачей и служащего персонала противочумных отрядов» и «Правильные понятия о чумной заразе и проверенные опытом наставления для борьбы с ней». Не менее занимательными были и его рассказы о путешествиях по самым разным городам и весям, совершенные в качестве члена Русского географического общества (с 1900 года). Позднее Петр Щусев эмигрирует в США, где войдет в круг общения многих выдающихся людей, среди которых будут композитор Сергей Рахманинов и скульптор Сергей Конёнков, создавший его портрет (ныне в Третьяковской галерее).

Другой брат, самый старший – Сергей Викторович Щусев, окончив естественный факультет Одесского университета, сосредоточится на сельскохозяйственных науках, войдет в число представителей Докучаевской научной школы почвоведения. В качестве приват-доцента будет преподавать в Новороссийском и Московском университете. Со своими лекциями он объедет почти всю Российскую империю, выступая перед самой широкой аудиторией – студентами, крестьянами, посвятив себя изучению вопроса повышения плодородия почв.

И наконец, ближе всех к Алексею Щусеву по своему профессиональному призванию окажется младший брат Павел Викторович Щусев (1880–1957), инженер-мостостроитель и член-корреспондент Академии архитектуры. Так скажется влияние старшего брата. Судьба подарит им удивительную возможность работать вместе, в том числе над восстановлением послевоенного Кишинева. А после смерти Алексея Викторовича, в 1953 году выйдет фундаментальный труд Павла Щусева «Мосты и их архитектура». Для нас не менее важны и интереснейшие воспоминания Павла Викторовича о выдающемся брате-архитекторе, помогающие создать образ главного действующего лица этой книги.

Большая и дружная семья Щусевых проживала в Кишиневе в собственном доме на Леовской улице (впоследствии переименована в улицу Щусева, ныне в здании – Мемориальный дом-музей архитектора; справедливости ради подчеркнем, что и в Москве улица Архитектора Щусева вновь появилась в 2016 году в Даниловском районе, а до 1992 года имя Щусева носил Гранатный переулок). Дом этот строился под чутким надзором главы семьи, а землю под строительство выделило земство, причем даром. При доме был роскошный сад и обширный двор с прудом, обвиваемый лозами благословенного молдавского винограда. Как писал сам архитектор в автобиографии, здесь «толпы мальчишек часто играли в мяч, а зимой в снежки, а в жар-

⁹ Мария Викторовна Щусева-Поручик, 1859–1954.

кие летние дни купались в саду под тенью больших ореховых деревьев»¹⁰. Мать очень любила фруктовый сад и цветники, эта любовь передалась и детям.

¹⁰ При написании книги использованы автобиографические материалы, надиктованные А. В. Щусевым в 1938 и 1948 годах.

«Проклятый город Кишинев!»¹¹

Своеобразная сословная черта делила столицу Бессарабии на две части, отделяя тех, кто мог позволить себе жить в приличных каменных домах под черепичными крышами, от всех остальных, влачивших существование в саманных неказистых лачужках под камышовой кровлей. Щусевы жили в верхней, зажиточной части города. Да и городом Кишинев стал лишь в 1818 году.

Находясь на границе пересечения интересов Российской и Османской империй, Кишинев неоднократно подвергался разорению и набегам турецких войск. По крайней мере, несколько раз его сжигали дотла – в конце XVII, середине и конце XVIII веков. Российским город стал после Русско-турецкой войны 1806–1812 годов. Собственно, в Кишиневе во время войны и находился опорный пункт российской армии. А по Бухарестскому миру 1812 года вся Бессарабия (Восточная Молдавия) стала частью России.

Каким был Кишинев в годы детства и отрочества Щусева? В том году, когда Алексей родился, город стал центром Бессарабской губернии. Со строительством в 1871 году участка Тирасполь – Кишинев Одесской железной дороги, город превратился в крупнейший торговый центр и перевалочный пункт. Здесь заключались оптовые контракты на поставку зерна, вина, шерсти, мяса. Горожане трудились на небольших предприятиях – кожевенных, мыловаренных, кирпичных и черепичных заводах, табачных фабриках.

Взрослея, Алексей расширял для себя границы познания окружающего мира. Его интересы постепенно выходили за границы двора. Он мог сравнить, насколько отличаются друг от друга условия жизни людей, живущих вроде бы в одном и том же городе. Его дом стоял посреди правильно расчерченных улиц, придающих Кишиневу относительно пристойный облик. И тут же, рядом – беспорядочно насыпанные гроздьё домики городской бедноты.

Ему было что и с чем сравнивать. Наблюдать за тем, как живут, и размышлять, как должны жить люди в городе. Для будущего зодчего это естественное и обычное на первый взгляд противоречие человеческого существования стало важным условием формирования вкуса. В конце концов, архитектор, находясь в постоянном поиске, работает для людей, проектирует, создает, генерирует идеи, направленные на совершенствование условий их жизни, среды обитания. И это довольно важное обстоятельство сыграло свою роль в развитии Алексея Щусева как крупнейшего зодчего последних столетий. Будучи уже зрелым мастером, он подчеркивал: «Творчество в архитектуре более чем в других искусствах, связано с жизнью»¹².

В 1932 году, словно обращаясь к своим детским впечатлениям, Щусев напишет статью «Город счастья», в которой выразится так: «Хижины и дворцы – архитектурный символ двух классов. Архитектура как образ, как художественное оформление пространства является выражением классовой борьбы. В этом смысле она решает важнейшие философские задачи... Я думаю, что архитектура бесклассового общества должна осуществлять человеческое стремление к счастью. В ней должны найти осуществление счастье созерцания, мысли, познания. Даже стремление к биологическому счастью может получить выражение в архитектуре. Можно предполагать, что перед архитектурой бесклассового общества будет стоять грандиозная композиционная задача, подобная той, которую разрешил в поэзии Данте, распределив все современное ему общество по различным разделам своей гениальной композиции»¹³.

Удивительные аналогии приходили на ум Щусеву – но это будет более чем через четыре десятилетия, а пока Алексей еще только готовился к осуществлению «счастья созерцания,

¹¹ А. С. Пушкин. «Из письма к Вигелю», 1823 год.

¹² Задачи современной архитектуры // Строительная промышленность. 1924. № 12. С. 760–762.

¹³ Щусев А. В. Город счастья // Советское искусство. 1932. № 50–51.

мысли, познания». Так, открывая для себя Кишинев, Алексей прежде всего обратил внимание на немногочисленные архитектурные памятники. Особенно нравились ему храмы и главный из них – кафедральный собор Рождества Христова, построенный к 1836 году по проекту знаменитого зодчего-классициста Авраама Мельникова, получившего заказ от самого генерал-губернатора Новороссии и Бессарабии Михаила Воронцова. Вот когда впервые проявился интерес Щусева к храмовой архитектуре.

Щусев знал о том, что Мельников учился в Императорской Академии художеств в Петербурге. Позже, когда Алексей и сам станет студентом академии, он не раз и не два будет приходить и любоваться известнейшим творением Мельникова – Никольским единоверческим храмом на Николаевской улице. А разве можно забыть спроектированную Мельниковым площадь в Одессе, центром которой является памятник Дюку де Ришелье!

Щусева завораживал собор Рождества Христова. Он часто приходил под его своды, наслаждаясь огромным, всепоглощающим храмовым пространством. Четыре портика по шесть колонн в каждом, огромный купол на круглом барабане, впитывающий в себя дневной свет через все свои восемь окон, декоративный фриз, охватывающий соборные стены, украшающие интерьер фрески – всем этим юный Алексей готов был любоваться бесконечно. А как красиво был украшен собор на Пасху – Щусевы приходили на праздничную литургию всей семьей, дети терпеливо выстаивали службу, слушая церковное пение. Религиозность была присуща Щусеву с детских лет, по сути, определив одно из его главных предназначений – церковное зодчество.

А самый первый в Кишиневе каменный Покровский (Мазаракиевский) старообрядческий храм, что стоит на правом берегу реки Бык! Построили его в 1752 году на средства городского казначея Василе Мазараки. Щусев много раз слышал от матери передаваемую из поколения в поколение легенду о том, как эта церковь появилась. Как-то еще во времена османского владычества на казначея настроили донос. Ему предстояло держать ответ перед самим турецким наместником. Обычно после таких аудиенций домой уже не возвращались. И тогда Мазараки поклялся – если останется жив, то поставит на свои деньги храм. И чудо произошло – его пощадили, а вскоре в Кишиневе выросла новая церковь во имя Покрова Божией Матери. Со временем она стала еще и старейшим памятником архитектуры бессарабской столицы, хорошо сохранившим свои фасады и интерьеры, благодаря бережной реставрации.

Случайность это или нет – но пройдет совсем немного времени и профессиональные интересы Щусева сосредоточатся на вопросах сохранения и восстановления памятников церковного зодчества. Ярким примером выдающихся успехов молодого архитектора станет воссоздание древнего храма в Овруче. Но для этого надо еще окончить гимназию и Академию художеств, а пока Алексей часто бывает здесь – рядом с Мазаракиевской церковью к тому же бьет легендарный родник, воду из которого пил сам Александр Пушкин во время кишиневской ссылки. Теперь живородящий источник утоляет жажду Алексея Щусева.

А сколько раз проходил он под стоящей в центре города триумфальной аркой¹⁴, построенной в 1840 году! Традицию воздвигать арки в честь военных побед на площадях двух столиц – Санкт-Петербурга и Москвы – ввел еще Петр I. Но и здесь, на краю Российской империи, в провинциальном Кишиневе была своя триумфальная арка, по сей день называемая «святыми воротами». Почему «святыми»? Да потому что вряд ли где есть еще такие ворота, одновременно являющиеся и колокольной звонницей, имеющее под сводами огромный колокол весом в шесть с половиной тонн, отлитый из захваченных у турок артиллерийских орудий.

В гимназии, где с 1881 года предстояло учиться Алексею Щусеву, на уроках истории рассказывали о доблестных победах русского оружия над турецким. Триумфальная арка была символом этих побед. Возникла она благодаря генерал-губернатору Бессарабии Воронцову,

¹⁴ Арка Победы – сооружена по проекту архитектора Луки Заушкевича в ознаменование победы над Османской империей в Русско-турецкой войне 1828–1829 годов.

ходатайствовавшему перед Николаем I об отливке колоколов для кафедрального собора. Царь разрешил использовать для этого трофейные турецкие пушки, что хранились в Измаильской крепости. Там же, в Измаиле, пушки и переплавили в колокола. Но когда колокола привезли в Кишинев, обнаружилось, что в узкие проемы собора главному колоколу-великану никак не пройти. Вот тогда и решили выстроить не просто отдельно стоящую звонницу, а триумфальную арку, в чреве которой находился бы главный колокол. По большим церковным праздникам колокол «святых врат» первым возвещал благовест, вслед за ним вступали и колокольни других кишиневских храмов.

Щусев часто слушал звуки колокольного перезвона, рассматривая белокаменные резные пилоны арки с шестнадцатью коринфскими колоннами, увенчанными глазурированным карнизом. Второй ярус арки служил подспорьем для неперемного элемента городской жизни – огромных часов, неумолимо отсчитывающих то время, когда гимназист Алексей Щусев покинет родной город и уедет в далекий и такой манящий своим величием Петербург.

Триумфальная арка-колокольня станет для Щусева первым и ярким примером того, каковым может быть воплощение в архитектуре военных побед огромного государства. Позднее он создаст свой нетленный проект памятника в честь победы в Великой Отечественной войне – станцию московского метрополитена «Комсомольская». И это также будет нетривиальное решение. Станция – не станция, а храм, украшенный фресками. Хоть колокола подвешивай. Насколько же важное влияние оказывает окружающая среда на взросление будущего художника!

Видел Алеша Щусев и бюст Александру Пушкину, который станет его любимым поэтом на всю оставшуюся жизнь. Бронзового Пушкина установили в Кишиневе в 1885 году через пять лет после открытия памятника в Москве. Деньги на него кишиневцы собирали всем миром, и он также выполнен по проекту Александра Опекушина, поскольку является авторской копией московской скульптуры. Вообще сей факт более чем ярко характеризует культурную среду Кишинева – ведь после московского это был второй памятник великому русскому поэту в Российской империи!

Но все же для европейской России Кишинев остается глухой провинцией, куда если и едут, то только по приказу. Примерно в это же время в Кишиневе жил художник Мстислав Добужинский, приехавший в Бессарабию прямо из столичного Петербурга. По удивительному совпадению, ему предстоит учиться в одной гимназии с Щусевым (а позднее – и расписывать Казанский вокзал). Вот что Добужинский вспоминает о своем детстве:

«Когда мы подъезжали к Кишиневу (был август), няня охала и ахала, видя, как зря “валяются” арбузы на полях. У нас этот плод был привозной и довольно драгоценный, тут же, как мы узнали, воз стоил один рубль! Я не отрывался от окна, и “обетованный юг” меня разочаровывал, все было плоско, выжжено солнцем, не было видно никаких лесов, росли только какие-то низкорослые деревья. Сам Кишинев показался деревней с жалкой речушкой (это после Невы...), я увидел низенькие домики-мазанки широкие улицы и страшную пыль (которая потом сменилась невылазной грязью), визжали и скрипели арбы своими допотопными дощатыми колесами без спиц, на этих “колесницах” возлежали черномазые молдаване в высоких барашковых шапках, лениво понукавшие невероятно медлительных волов: “Цо-гара, цо-цо”. Евреи катили тележки, выкрикивая: “И – яблок, хороших виборных моченых и – яблок”. Вдоль тротуаров, по всем улицам, тянулись ряды высоких тополей, всюду бесконечные заборы – плетни, и веяло совсем новыми для меня, какими-то пряными запахами.

У нас был нанят одноэтажный дом с высокой крышей, в котором мы и прожили целых два года. Там жили, как в маленьком поместье, – был большой двор и огромный фруктовый сад с яблоками, черешнями и абрикосами (“дзарзарами”, как в Бессарабии называли маленькие абрикосы). В саду был небольшой виноградник и парник. Летом сад был полон роз, красных

и ярко-желтых, необычайно душистых. Отец сейчас же завел почти совсем помещичье хозяйство, о чем так страстно всегда мечтал. До чего все вокруг было другим, чем в Петербурге!

«...» Осень принесла новые удовольствия, главным было – ездить в Архиерейские сады в окрестностях Кишинева, где монахи позволяли мне угощаться виноградом и есть, сколько влезет, и я ложился под лозу и, нагибая гроздь к себе и не отрывая, объедался этими сочными черными ягодами.

Наш сад, который летом стоял весь в розах, теперь был полон фруктов: у нас зрели райские яблочки, черешни, вишни, абрикосы и росло развесистое дерево с грецкими орехами – на него я любил забираться, чтобы срывать их зелеными для замечательного няниного варенья. Няня научилась также изготовлять в совершенстве засахаренные фрукты и пастилу – не хуже знаменитой киевской «Эбалабухи», а ее варенье из лепестков роз было настоящая амброзия. Вообще гастрономических удовольствий было много.

Аквариума и террариума, как в Петербурге, мы не завели, но в саду на свободе ползали большие черепахи, клавшие в землю продолговатые яйца, откуда вылуплялись миниатюрные черепашки с длинными хвостами; жил у нас также суслик и уж. Я продолжал ловить бабочек и жуков, поймал редкую мертвую голову, залетевшую в комнату, и даже, о счастье, мою мечту – бледно-желтого махаона»¹⁵.

Описанный Добужинским порядок жизни очень похож на беззаботную жизнь Алеши Щусева, так же как и его сверстники любившего местную пастилу, объедавшегося сладчайшим виноградом из Архиерейского сада и охотившегося на бабочек. А какие интересные сравнения с Петербургом, ведь вскоре после окончания гимназии Щусеву предстоит отправиться туда, откуда приехал Добужинский, в российскую столицу.

В 1881 году Алексей Щусев стал учиться во 2-й Кишиневской мужской гимназии, среди золотых медалистов которой в разное время были будущие знаменитый зоолог и географ Лев Берг, депутат Государственной думы и участник убийства Распутина Владимир Пуришкевич и другие выдающиеся личности. В гимназии учились и два старших брата Щусева, а ее директором был брат матери – Василий Корнеевич Зазулин.

«В гимназии, – писал Щусев в автобиографии, – моим любимым предметом было рисование, за которое я получал многочисленные награды и похвальные листы. Руководитель мой, милый и мягкий Н. А. Гольнский, поощрял меня, но сам не имел строгой методики преподавания рисунка». Вряд ли можно было рассчитывать на иной уровень преподавания во 2-й Кишиневской гимназии, но и то, что было, уже позволило проявить Щусеву ростки своего дарования.

Любовь к рисованию подтверждалась и отличной успеваемостью по этому предмету. В Отделе рукописей Государственной Третьяковской галереи (ОР ГТГ) хранятся уникальные документы – Табели успеваемости ученика Алексея Щусева, синие книжечки размером с паспорт. Откроем и мы таблицу с оценками за 7-й класс. Помимо рисования, пятерки Щусев получал по Закону Божию и за «поведение» (за «внимание» и «прилежание» стоят четверки). А вот по русскому языку с церковно-славянским (этот предмет так и назывался) за первые три четверти стоят итоговые тройки, последняя четверть – четверка. Похожая картина и по логике, латинскому и греческому языкам, алгебре и географии. Чуть лучше по немецкому языку и физике. Сплошные «тройки» – по тригонометрии, истории и французскому языку. Зато по чистописанию гимназист Щусев был стопроцентным хорошистом. Знали бы его учителя кому они ставят тройки!

Алексей Викторович оставил весьма скудные сведения о своих гимназических годах, куда как подробнее рассказывает об этом учившийся в этой же гимназии Добужинский:

¹⁵ Добужинский М. В. Воспоминания / Изд. подг. Г. И. Чугунов. М.: Наука, 1987. С. 79.

«Итак, началась и гимназия. Я был принят во 2-ю гимназию во 2-й класс (в 1-й гимназии, которая считалась “аристократической”, не было вакансий). Толстый директор, Николай Степанович Алаев, бывший военный, отцу понравился; сама гимназия, что ему было тоже симпатично, не носила обычного характера и помещалась в длинном низеньком доме с большим садом и двором. Все было в ней как-то по-домашнему.

Скоро я нарядился в гимназическую форму. Форма гимназистов Одесского округа, к которому принадлежал Кишинев, отличалась от петербургской: в Петербурге носили черные блузы и брюки, тут же ходили во всем сером (как арестанты, мне казалось). Летом же носили парусиновые рубашки и фуражки...

Остаться первый раз одному среди толпы галдящих стриженных мальчишек и великовозрастных басистых верзил было очень жутко. Меня окружали, приставали со всякими вопросами, и вся гимназия сходилась смотреть на эту диковину – на новичка, приехавшего из Петербурга... Вообще 2-я гимназия – наша – по сравнению с 1-й была весьма демократической – все были одинаковыми товарищами; были мальчики из богатых семей, были и очень бедные...

Первые мои учителя, в общем, были симпатичные, только головастый учитель географии и истории позволял себе грубости, и его не очень любили. Но он смешно и ядовито острил и смешил весь класс. Почему-то он не терпел, когда на него глядели в упор, это нарочно делали ученики, чтобы он смешно заорал: “Не смотреть на меня!” Он носил на цепочке в виде брелка маленький голубой глобус – по специальности. Гимнастике учил высокий элегический молодой человек, блондин, Евгений Анатольевич, который на вопрос моего отца, что он преподает, скромно ответил: “Читаю гимнастику”, что очень рассмешило отца.

Особенно был любим всеми маленький и горбатенький, в очках, с жиденькой бородкой учитель русского языка Александр Иванович Воскресенский. Порой, читая нам стихи, он так их переживал, что в голосе дрожали слезы...

Уроки, как во всех гимназиях, начинались с общей молитвы в актовом зале с большими портретами царей – Николай I в белых лосинах и ботфортах, Александр II в длинных красных штанах, Александр III в шароварах и сапогах бутылками. Впереди нас стоял, подпевая нам, лысый толстый Алаев, держа руки за спиной и катая в пальцах какой-то шарик.

На большой перемене все выбегали во двор и в сад, и я где-нибудь в уголку завтракал большим бутербродом, который клала мне в тюленевый ранец няня – целую булку с вареньем или салыцесоном (всякие колбасы привозил нам немец-колонист). Иногда я делился завтраком с кем-нибудь из товарищей, если тот с завистью посматривал на мою толстую булку.

Мы жили довольно далеко от гимназии, и первое время отец по дороге на службу отвозил меня в гимназию в своей казенной коляске и заезжал за мной после уроков. Когда я ездил один, то, догоняя моих товарищей, месивших грязь, забирал их к себе, и экипаж подъезжал к гимназии, обвешанный гимназистами, что производило большой эффект. Если я ходил пешком, то грязь засасывала калоши.

Рисование в гимназии преподавал передвижник Голынский, к нему я относился скептически: в актовом зале висел портрет Александра III его кисти, и меня шокировали плохо нарисованные ордена. На уроках я продолжал делать то же самое, что делал в Школе Общества поощрения художеств, и советы Голынского мне ничего нового не давали. Мои рисунки выделялись, и, когда после двух лет их накопилось изрядное количество, тщательно растушеванных акантовых листьев, носов и ушей, Голынский непременно хотел эти рисунки отправить, как выдающиеся, в Академию художеств. Не знаю, отправил ли. Дома по сравнению с Петербургом я рисовал мало, иногда делал копии с иллюстраций из “Нивы”, придумывая свои собственные краски. С натуры, после Кавказа, я совсем не рисовал.

Историю учили по сухому учебнику Белларминова (еще более тоскливому, чем знаменитый Иловайский), но про античный мир я знал из чтения гораздо больше, чем проходили в гимназии (мы с отцом прочли почти весь “Рим” и “Элладу” Вегнера), а благодаря “Книге

чудес” Натаниела Готорна – рассказы из мифологии – я давно полюбил этот чудный мир богов и героев...

В ту первую зиму после Петербурга Кишинев был засыпан глубоким снегом. Мы иногда гуляли с отцом в большом городском саду, и я забавлялся, как тучи ворон и галок, когда мы хлопали в ладоши, снимались с голых деревьев и носились с карканьем и шуршанием крыльев, что мне напоминало наш петербургский Летний сад. Развлечений было мало, мы лишь побывали в кочующем цирке Труцци, где запах конюшен напоминал мне сладкие детские впечатления петербургского цирка Чинизелли (здание этого цирка существует в Петербурге и по сию пору. – А. В.). Многие из этой семьи выступали с дрессированными лошадьми. Однажды в офицерском собрании давал сеанс заезжий “художник-моменталист”, и я любовался его ловкой рукой, выводящей с одного маха карикатуры (конечно, и Бисмарка с тремя волосками на лысине), и хитрым умением сделать пейзажи из случайной кляксы.

Весной Кишинев необычайно похорошел. Уже в конце февраля стало теплеть, и скоро все фруктовые сады, в которых утопал город, и которыми были полны окрестности, еще до листвы покрылись, как облаком, белым и бледно-розовым цветением черешен, яблонь и абрикосовых деревьев. Пасха в Кишиневе тоже была особенной. Было совсем тепло, а в Вербное воскресенье в церкви вместо наших северных верб держали пальмовые ветви¹⁶.

Ставили листья пальмы на праздник и в доме Щусевых...

¹⁶ Добужинский М. В. Воспоминания / Изд. подг. Г. И. Чугунов. М.: Наука, 1987. С. 79.

«Хороший рисунок – лучшее толкование идеи»¹⁷

В названии этой главы – подлинные слова Алексея Викторовича, выражающие основу его уникального профессионального мастерства. Он был убежден, что настоящий архитектор просто обязан хорошо рисовать. Иными словами, в душе каждого зодчего живет большой художник.

Уже в первом классе Щусев бесспорно выделялся своими успехами в рисовании среди сверстников. Он вполне профессионально изобразил голову Аполлона, гипсовая копия которой стояла в классе, за что был отмечен преподавателем рисования Гольнским, выпускником Императорской Академии художеств 1863 года. И что бы про Гольнского не писал Добужинский, но он и стал первым учителем рисования для Алексея Щусева.

Алексей усердно и заинтересованно занимался в изостудии при гимназии, где оказался самым младшим. А по итогам вернисажа, устроенного из работ кишиневских гимназистов, он удостоился похвального листа. Был и еще один важный подарок – первые в его жизни краски, акварельные! Это выглядело уже серьезно и предвещало новый и скорый успех юного художника. Мальчик мечтал стать живописцем... А большой набор с красками ныне хранится в кишиневском доме-музее.

Все лето он рисовал пейзажи живописных окрестностей Кишинева, чтобы в сентябре принести в гимназию красочные результаты – пухлые папки своих акварелей. Учитель Гольнский долго разглядывал рисунки Алексея, среди которых были «Пушкинский холм над излучиной реки Бык», «Мальчики с фруктами», «Весеннее озеро в Баюканской долине» и другие. Вывод напрашивался сам собой – мальчик далеко пойдет, но ему надо учиться живописи, и причем основательно. И тогда из него выйдет толк. Но до окончания гимназии об этом можно было лишь мечтать. Ведь как писали 9 июня 1884 года «Бессарабские губернские ведомости», в Кишиневе нет даже «школы искусств, в которой очень и очень нуждается подрастающее поколение стотысячного города Кишинева, теряющее лучшие годы своей жизни в праздном препровождении времени, тогда как годы эти они могли бы употребить на служение искусству».

Занятно, что пройдет много лет, и Щусев, уже признанный мастер и корифей, сам будет оценивать акварельные рисунки своих сотрудников по архитектурной мастерской: «Алексей Викторович интересовался творческим ростом своих помощников, следил за их занятиями рисунком и акварелью. Существовал даже обычай осенью приносить и показывать ему акварели, сделанные за лето. Обычно просмотр происходил так: Алексей Викторович брал в руки каждую акварель, разглядывал ее и клал в одну из стопок. Первую он отодвигал, и к ней больше не возвращался – здесь лежали листы, которые ему не понравились. Другую он рассматривал еще раз и опять делил. Меньшую из отобранных кип – это были понравившиеся ему акварели, он брал в руки снова и тут же обсуждал каждую работу в отдельности. Однажды при таком просмотре Алексей Викторович предложил мне в обмен на одну из акварелей свою акватинту “Башня Казанского вокзала в лесах”. Я была очень польщена и, конечно, согласилась. Увы, Алексей Викторович так и забыл отдать мне гравюру»¹⁸.

Более того, однажды Щусев – маститый зодчий и глава мастерской – увидит акварельные рисунки молодого начинающего архитектора из провинциального Томска. Они настолько понравятся Алексею Викторовичу, что он немедленно пригласит их автора в Москву, предназначав ему большое будущее. Так и начнется столичная карьера Михаила Васильевича Посохина,

¹⁷ ГНИМА. ОФ-6490/13. Кокорин В. Д. «Голова и рука должны идти вместе». Воспоминания о А. В. Щусеве. Публикуется впервые.

¹⁸ Синева И. А. Академик: Воспоминания о совместной работе с А. В. Щусевым // Архитектура и строительство Москвы. 1989. № 12. С. 14–17.

которому в будущем предстоит стать главным архитектором советской столицы (с 1960 по 1980 год). Вот что значит для архитектора – хорошо рисовать.

А пока что юному художнику оставалось постигать мастерство по имеющимся в Кишиневе частным коллекциям живописи, коих, правда, было немного. Одна из них располагалась в доме гимназического приятеля Щусева, Михаила Карчевского (также впоследствии человека незаурядного – основателя одного из лучших учебных заведений юга России, ныне Кишиневского лицея им. Н. В. Гоголя, где преподавание ведется на русском языке). Вершиной своего собрания семья Карчевских считала картину Айвазовского «Неаполитанский залив». В их доме, известном на весь Кишинев своими литературно-музыкальными салонами, Щусев стал бывать часто, здесь его полюбили, научили играть на рояле.

На склоне лет Алексей Викторович Щусев рассказывал о своих впечатлениях от еще одной частной галереи, в составе которой было немало заслуживающих внимания полотен западноевропейских мастеров. Было ему тогда 12 лет. Слухи о том, что некий отставной генерал-помещик держит в своем загородном имении под Кишиневом бесценную коллекцию живописи, давно бередили умы просвещенных горожан. Только вот мало кому удалось увидеть эти картины своими глазами. Алешу Щусева буквально распирало желание взглянуть на них хотя бы одним глазком.

И надо же такому случиться – набравшись смелости, Алексей сам явился к коллекционеру. Представ перед очами изумленного от такого нахальства собирателя, гимназист Щусев откровенно признался в цели своего визита. И вызвал этим не возмущение, а сочувствие! Коллекционер не только не прогнал мальчонку взащей, а поехал с ним в свое имение, где хранились картины, и предложил Алексею смотреть на них сколько угодно!

А когда в Кишинев привозили передвижные выставки, что бывало нечасто, и превращалось в события городского масштаба, Щусев целыми днями пропадал около картин: «Я был в 6–7-м классе, в Кишинев приехала передвижная выставка, на которой мы с товарищами – любителями рисования проводили бесконечные часы, беседуя с художником Хрусловым»¹⁹.

Упомянутый Щусевым пейзажист Георгий Хруслов окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества (МУЖВиЗ) и был активным участником передвижных выставок, что устраивались по всей России. С 1899 года он почти 14 лет состоял хранителем Третьяковской галереи (которую в 1927 году возглавил Щусев – мир тесен!). А в 1913 году Хруслов покончил с собой, бросившись под поезд – такова была его эмоциональная реакция на акт вандализма в Третьяковке, когда душевнобольной иконописец Балашов изрезал картину Ильи Репина «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года». Позднее Репин восстановил картину, но ужасная гибель Хруслова навсегда оказалась связанной с этим загадочным репинским полотном. И вот ведь как пересекаются судьбы – жизнь также сведет Щусева с этой картиной – в 1928 году как директор Третьяковской галереи он будет переписываться с Репиным по поводу реставрации этого полотна.

Хруслов был знаком и с Михаилом Нестеровым, с которым в будущем Щусеву предстоят годы большой дружбы и плодотворного сотрудничества. Нестеров вспоминал, как в молодые годы повстречал Хруслова в компании других живописцев, пливших по Волге, под Казанью: «Мы непрерывно болтали, остряли. Мы были молоды, перед нами были заманчивые возможности...»²⁰

Щусев не случайно обратил внимание на картины Хруслова, о редком даровании которого высоко отзывался сам Иван Шишкин. Пейзажи Хруслова были написаны в благословен-

¹⁹ Георгиевская-Дружшина Е. В., Корифельд Я. А. Зодчий Щусев. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 10.

²⁰ См.: Нестеров М. В. Давние дни: Воспоминания. Очерки. Письма / Предисл. и сост. А. П. Филиппова. Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1986.

ном Плесе – месте паломничества многих выдающихся русских живописцев. На Алексея само слово это – Плес – влияло какой-то магической силой.

Интересы Алексея Щусева постепенно расширялись, простираясь за пределы Бессарабской губернии. Был и еще один город, производивший на него впечатление гораздо более сильное, нежели Кишинев. Это «нарядная» Одесса, как он назовет ее, восхитившая будущего зодчего в гимназические годы, когда он приезжал сюда с родителями. Основанная в 1794 году, Одесса с годами превратилась в масштабный памятник архитектуры, выстроенный преимущественно в стиле ампир с итальянским ароматом и французской приправой.

Не зря этот город назвали Южной Пальмирой. В России, напомним, была и Пальмира Северная – Санкт-Петербург. Одесса во всем стремилась походить на столицу Российской империи. Стояла здесь и своя Александровская колонна в городском парке, и свой проспект – Александровский, который сравнивали еще и с парижскими Елисейскими Полями. А еще были «Пассаж», ни в чем не уступавший зеркальному магазину Елисеева на Невском, и гостиница «Бристоль».

Щусев был очарован Одессой, под стать Петербургу застраивавшейся изящными и по-настоящему столичными зданиями на Ришельевской, Дерибасовской, Пушкинской, Екатерининской улицах. Радовали глаз и Приморский бульвар, Потемкинская лестница, построенная по проекту итальянца Франца Боффо и Авраама Мельникова...

И конечно, Одесский оперный театр – архитектурный шедевр, по ценности которого Южная Пальмира могла соперничать с российскими столицами. Конкурс на постройку Одесского театра был открытым, в нем могли принять участие все желающие. Победителями стали представители венской школы – архитекторы Фердинанд Фельнер и Герман Гельмер. Они-то и предложили сделать театр подковообразной формы с центральным и двумя боковыми портиками. Венчался театр куполом в виде короны, что роднило его с проектом Дрезденской оперы.

Самое занятное, что архитекторы не участвовали в процессе строительства, доверив этот ответственный процесс главному зодчему Одессы Александру Бернардацци. Приехавший на открытие Фельнер был поражен увиденным, заявив, что это лучший театр в мире.

Наслаждаясь чарующими звуками оперной музыки под сводами этого «лучшего театра в мире», юный Алексей Щусев и предполагать не мог, что в 1925 году, когда здание неожиданно сгорит (непременный эпизод в жизни любого приличного театра!), ему во главе большой группы архитекторов и художников выпадет честь заняться его восстановлением. А в 1947 году Щусеву предстоит спроектировать, построить и свой театр – в Ташкенте, поражающий до сих пор редким сочетанием европейского размаха и восточного колорита.

Пройдет много лет, а Щусев все будет вспоминать Одессу своей юности. В 1934 году он напишет: «Принципы прямоугольной системы планировки, широко примененные в новых городах – Нью-Йорке, Вашингтоне, привели к утомительной будничной однотипности в плане этих городов. В процессе составления планов новых городов требования эстетики и художественного чутья градостроителя были принесены в жертву требованиям практической пользы и утилитарности. И только высокое мастерство зодчего, воздвигавшего свои сооружения в таких городах, спасло город от схематической казенщины и создавало на его фоне группы художественных ансамблей – Ленинград, Одесса, созданные еще в XVIII веке»²¹.

²¹ Щусев А. В., Загорский Л. Е. Архитектурная организация города. М.; Л.: Госстройиздат, 1934. С. 43.

Под ударами судьбы

Умение «держать удар» было свойственно Алексею Викторовичу в течение всей жизни, что отмечали работавшие с ним сотрудники. В творческой среде это особенно важно и позволяет сохранить душевные и физические силы для достижения главной поставленной перед собой цели. Необходимая в этом смысле «закалка» начинает формироваться в юном возрасте. Так случилось и в судьбе Алексея Викторовича.

В феврале 1889 года на семью Щусевых обрушились тяжелые испытания. Почти день в день дети остались круглыми сиротами. Сначала от многочисленных хворей умер отец Виктор Петрович, а затем, через сутки, – мать Мария Корнеевна, не пережившая кончины любимого супруга. Жизнь в доме Щусевых остановилась в один миг. Все, что занимало мысли пятнадцатилетнего Алексея, его надежды на будущую, такую прекрасную жизнь, все это рухнуло в глубокую, зияющую своей пустотой пропасть отчаяния.

После таких потрясений люди уже не могут жить прежним укладом. Переживший смерть самых близких людей человек или сгибается под невыносимой тяжестью одиночества, или держит удар, осознавая необходимость дальнейшей жизни, понимая, что есть причина, заставляющая идти вперед, сжимая зубы. Для пятнадцатилетнего Алексея Щусева такой причиной стал младший брат Павел, ответственность за которого легла теперь на его плечи.

И хотя родственники не бросили сирот – Алексея взял к себе один брат матери, Павла – другой, вряд ли этим можно было компенсировать образовавшуюся в душах ребят пустоту. Старшие братья разъехались, и Алексей стал для Павла, по сути, единственным близким человеком из той безоблачной жизни, когда были живы родители, составлявшие сердцевину большой и дружной семьи.

Отношение Алексея Щусева к младшему брату характеризует такой эпизод, превратившийся с годами в семейную легенду. После смерти родителей старший брат Сергей предложил оставшееся наследство разделить между тремя братьями, а самого младшего брата – Павла отдать в реальное училище, а не в более престижную гимназию. Но Алексей не согласился. Словесная перепалка переросла в драку, последним аргументом в которой послужил пистолет. Алексей вне себя от ярости пальнул в Сергея. Слава богу, рана оказалась не смертельной. А Павлик остался гимназистом.

Если бы земство в знак уважения и к Щусевым, и к Зозулиным, немало сделавшим для Кишинева, не взяло на себя расходы на обучение Алексея и Павла в гимназии, им пришлось бы совсем худо – за учебу в гимназии надо было платить ежегодно по 50–60 рублей. Но Алексей все же, не желая сидеть на шее у родственников, решил сам зарабатывать на жизнь репетиторством, подтягивая в учебе младших гимназистов.

И надо отдать ему должное, он оказался очень даже неплохим учителем. Клиентура расширялась. Однажды Алексея даже пригласили в дом к богатому кишиневскому землевладельцу Качулкому, что уже говорило само за себя – ведь вместо гимназиста толстосум мог позволить себе нанять для своих детей и университетского профессора из Одесского университета.

В начале 1890 года в доме у Качулковых Щусев познакомился с семьей Апостолопуло – Евгенией Ивановной и Николаем Кирилловичем. Евгения Ивановна, в девичестве Богдан, происходила из старого и богатого бессарабского рода, занималась просветительской деятельностью и меценатством, помогала начинающим талантам, причем не только у себя на родине, но и в Петербурге, где за свой счет содержала квартиру и мастерскую для художников. В столице ее хорошо знали и избрали в ряды Санкт-Петербургского женского благотворительного общества.

В бессарабском имении Апостолопуло – Сахарне – Алексей проводил летние месяцы. Там же он приобрел и свой первый строительный опыт. Глава семьи, инженер Апостоло-

пуло задумал перестроить старый флигель, а Щусев предложил этот флигель снести, а на его месте выстроить каменную сторожку. Причем проект сторожки составил он сам (откуда что берется!). Увидев проект Алексея, хозяева имения изумились воображению гимназиста. Они доверили ему весь процесс строительства. Для работы пригласили артель каменщиков, которыми и предстояло руководить Щусеву.

Результат превзошел все ожидания. Инженер Апостолопуло оценил по достоинству труды Алексея, отметив, что юноше суждено большое будущее. Сам же Щусев скажет на исходе жизни, что «культурное влияние семьи инженера Апостолопуло, особенно его жены Евгении Ивановны, проживавшей в своем имении Сахарне на Днестре, где я летом гостил, создали у меня стремление добиваться высокого уровня по своей специальности. Я хотел быть и живописцем, и архитектором».

Отношения же с семьей Апостолопуло останутся теплыми на всю жизнь. Щусев будет покупать для ее галереи картины у Александра Бенуа, который отметил в 1917 году в дневнике, как Алексей Викторович «купил для музея г-жи Богдан в Кишиневе (но не заплатил) этюд в Версале 1914 года, два последних эскиза к “Каменному гостю” (“Памятник” и “Комната донны Анны”) и “Нападение” из серии “Смерть” – все четыре за 1300 руб»²².

Добавим, что в дальнейшем в Сахарне в семье Апостолопуло гостил еще один выдающийся наш соотечественник – философ Василий Васильевич Розанов. Итогом пребывания его в гостеприимном имении станет знаменитая книга «Сахарна».

Щусеву оставалось отучиться всего лишь год до получения аттестата. Он не мог дождаться этого дня, мыслями находясь уже в Петербурге: «Академия художеств уже в последних классах была постоянной моей мечтой».

Вот ведь как интересно получается – Петербург, где он ни разу не был, стал для Щусева самым желанным городом. Хотя к этому времени Алексей уже успел побывать и в Киеве, отметив для себя неповторимость архитектуры «матери городов русских». И если Одессу можно было сравнить с Петербургом, то разве есть город, похожий на Киев?

Впервые в Киеве он побывал, когда ему исполнилось 13 лет. Щусев, обладая не по годам развившейся наблюдательностью, осознавал, что в этом древнем городе особую роль играет церковное зодчество. Еще в 989 году крестивший Русь князь Владимир заложил в Киеве первую каменную церковь древнерусского государства – Десятинную. Храм этот пережил немало испытаний, его образ теперь известен лишь по древним летописям. Десятинную церковь не раз пытались возобновить. Перед глазами Щусева предстала уже другая церковь с таким же названием, построенная по проекту петербургского архитектора Василия Стасова в русско-византийском стиле, украшенная копией иконостаса петербургского Казанского собора. Мог ли тогда Алексей предполагать, что восстановление храмов станет для него одним из главных направлений творческой деятельности! А лучшими образцами церковного зодчества для него станут Киево-Печерская лавра и Софийский собор, Михайловский Златоверхий монастырь и Андреевская церковь.

Наконец, в июне 1891 года Алексей Щусев окончил 2-ю Кишиневскую гимназию, получив возможность реализации своей главной цели, которую он поставил перед собой еще в старших классах, – поступить в Императорскую Академию художеств. С аттестатом в кармане, небольшой суммой денег на первое время, Алексей отправился к своей мечте. Путь предстоял неблизкий – ехать в Петербург надо было через Киев и Москву...

²² Дневники и воспоминания: 1917: Александр Бенуа: 30 апреля (17 апреля) // <https://prozhito.org>

«Думы о Москве всегда были связаны с Кремлем»

По пути в Санкт-Петербург Щусев заезжает в Москву, сперва не произведшую на бывшего гимназиста особого впечатления. Первопрестольная, ее булыжные мостовые и беспорядочная застройка разочаровали Алексея. И лишь от Кремля да от собора Василия Блаженного не мог он оторвать глаз, в чем и признавался в автобиографии: «Кремль, особенно с его башнями, теремами и соборами захватил меня своими историческими и причудливыми образами. Думы о Москве всегда были связаны с Кремлем и его образом». Впоследствии Щусев потратит немало сил и нервов, чтобы сохранить так поразившие его исторические и причудливые образы Москвы.

Щусев, приехав в Москву, окунулся в атмосферу удивительную – в городе утверждался так называемый псевдорусский стиль. Основы этого направления в архитектуре были заложены еще в 1830-х годах Константином Тоном, любимым зодчим Николая I, воплотившим в своих проектах знаменитую триаду «православие – самодержавие – народность». Особенно сильно отразилась эта формула на архитектуре Москвы, в которой появились такие постройки Тона как храм Христа Спасителя (1837–1883), Большой Кремлевский дворец (1839–1849), Оружейная палата (1844–1851).

Стиль, в котором творил Константин Тон, принято называть русско-византийским, он ярко отражал саму суть николаевского царствования и подпитывался им. Новая политическая реальность, наступившая с воцарением Александра II Освободителя, диктовала необходимость поисков и свежих идей в развитии русской архитектуры. Но эти поиски не могли привести к скорым результатам, на это требовались годы. Поэтому вполне логичным выглядит возникновение уже в начале 1870-х годов под влиянием народнических идей нового демократического течения в зодчестве, выразившегося в щедром оформлении зданий русскими народными узорами. Яркими представителями этого течения стали архитекторы Виктор Гартман и Иван Ропет (Петров), украсившие Москву образцами нового направления. Они спроектировали павильоны для Политехнической выставки 1872 года, проходившей в центре Москвы, в Александровском саду.

После выставки здания были разобраны – то, как они выглядели, мы можем увидеть сегодня лишь на бумаге. Но в Москве и ее окрестностях все же сохранились сооружения, воплотившие в себе признаки нового стиля. В 1872 году в Леонтьевском переулке выросло здание типографии Мамонтова по проекту Гартмана, а в 1877–1878 годах в подмосковном Абрамцеве возникла сказочная «Баня-теремок» Ивана Ропета. Стиль этих зданий современники называли по фамилии одного из зодчих – «ропетовщина».

Однако в этих постройках влияние давнего русско-византийского стиля еще не достигло своего апогея. Идеолог псевдорусского стиля – знаменитый критик Владимир Стасов, всячески призывал зодчих обратить внимание на «оригинальные узоры русских полотенец и на резную раскрашенную орнаментацию русских изб и всяческих предметов обихода русского крестьянина», потому как, по мнению вдохновителя Могучей кучки, «без этих вновь появившихся, но по существу самых старинных и коренных элементов»²³ никакой художник не может обойтись.

Зодчие дословно восприняли призыв Стасова (в нем, видимо, бурлила кровь его отца, видного петербургского архитектора), в результате чего в начале 1880-х годов возникло новое официальное направление псевдорусского стиля, выразившееся в буквальном копировании декоративных мотивов русской архитектуры XVII века.

Щусев своими глазами увидел эти постройки. Еще за год до его приезда в Москву, на Красной площади началось масштабное строительство – после тяжелой борьбы с московскими

²³ Цит. по: Борисова А. Е. Русская архитектура второй половины XIX века. М.: Наука, 1979.

купцами никак не хотевшими освобождать старые обветшавшие торговые ряды, перестроенные еще Осипом Бове после пожара 1812 года. Проект новых Верхних торговых рядов принадлежал зодчему Александру Померанцеву, победителю архитектурного конкурса, многие участники которого, впрочем, как и он не вышли за рамки псевдорусского стиля.

Стройка была похожа на муравейник – одновременно здесь трудилось свыше трех тысяч человек! Огромные масштабы Верхних торговых рядов могли в этом отношении поспорить с аналогичными сооружениями Европы. На трех этажах, покоящихся на глубоких подвалах, могло уместиться более тысячи магазинов.

Но Щусева больше волновала архитектурная сторона дела. Он не мог не обратить внимание на то, что сдвоенные башенки, венчающие главный вход в Верхние торговые ряды, двускатные теремообразные крыши, «пузатые» колонны, узкие окна-бойницы, фрески с растительным орнаментом гармонируют с уже построенным зданием Исторического музея, возводившегося в 1875–1881 годах по проекту Владимира Шервуда. Из этой же обоймы было и стоящее рядом здание Городской думы, построенное по проекту Дмитрия Чичагова в 1890–1892 годах. Символом псевдорусского стиля стало красное крыльцо думы, украшенное арочками с висячими гирьками. Складывалось впечатление, что в этом здании заседали не депутаты конца XIX века, а члены боярской думы середины XVII столетия.

А вот и здание Политехнического музея на Лубянке, центральная часть которого была выстроена в 1877 году по проекту Ипполита Монигетти. Просто древний терем-теремок, а не выставка достижений технической мысли. Именно в несоответствии формы и наполнившего ее содержания и упрекали зодчих, творивших в псевдорусском стиле. Еще более возросло число критических стрел в адрес творцов псевдорусского стиля в советское время, их обвиняли в фальсификации народного зодчества в угоду купеческому вкусу.

Тем не менее, для будущего зодчего это кратковременное пребывание в Москве, стало прекрасной попыткой ознакомления с энциклопедией архитектурных стилей. В Петербурге, при всем к нему уважении, такого многообразия быть не может, хотя бы по той причине, что он гораздо моложе Москвы.

Кроме того, в Академии художеств и вне ее господствовали те же настроения, что и на крупнейших московских стройках. На архитектурном отделении преподавал автор Верхних торговых рядов Померанцев, действительным членом академии был Ропет.

Примечательно, что имя Щусева впоследствии будут называть в числе тех, кто сможет противопоставить апологетам псевдорусского стиля, свой, неорусский стиль. Важно, что оба этих направления имеют в своей основе прилагательное «русский». В этой связи, историки архитектуры отмечают, что: «Если под “византийским стилем” все же имелись в виду явления, достаточно близкие по своей идейной и социальной сущности, то более широкое понятие “русский стиль” объединяло явления еще более неоднородные, начиная с романтических “пейзанских” придворных построек 1820–1840-х годов и кончая более демократическими массовыми деревянными сооружениями и уникальными выставочными павильонами 1870-х, а также крупными общественными сооружениями 1880-х годов.

При этом если сами современники достаточно точно дифференцировали по внутреннему содержанию эти различные течения, объединяемые названием “русский стиль”, то впоследствии разница между ними уже переставала восприниматься. Так, в начале XX столетия их совокупность стала обозначаться как “псевдорусский стиль” в противоположность “неорусскому стилю”, относящемуся уже к новой архитектурной эпохе модерна. Но и этот термин, имеющий уже достаточно выраженный оценочный смысл, впоследствии нередко заменялся еще более отрицательными – “ложнорусский стиль” или даже чисто разговорным – “псевдорюсс”. Эта приставка “псевдо”, никогда, естественно, не употреблявшаяся современниками, свидетельствовала как бы о изначальной несостоятельности этого “стиля”, о его вторичности и об условности самого этого наименования. Между тем в момент своего возникновения поня-

тие “русский стиль” имело вполне прямой и безусловный смысл, знаменуя собой определенные творческие поиски в новой архитектуре России второй половины XIX в. Термин “русский стиль”, принятый современниками, приобретал при этом как бы особое живое наполнение, знаменуя “сегодняшний день” архитектуры того времени, а не просто очередную ретроспективную попытку расширения арсенала исторических первоисточников. Правда, при этом сама природа архитектуры периода эклектики была причиной того, что поиски национальных форм в современной архитектуре облекались в буквальную, подражательную форму и что архитектурным “мотивам” придавался определенный содержательный смысл, исходя из прямых литературно-художественных ассоциаций, связанных с той или иной исторической эпохой»²⁴.

Любопытно, что стародавние храмы и соборы Щусев специально отметил в своих впечатлениях о первом визите в Москву, а псевдодревние музеи и торговые ряды не удостоились его воспоминаний. Это говорит о том, что в бывшем гимназисте Щусеве уже было заложено важнейшее качество, позволявшее ему отделять зерна от плевел. Иными словами, он смог отличить подлинное искусство от подражания.

За несколько проведенных в старой столице дней он успел побывать на Ходынском поле, где проводилась Выставка произведений искусств и промышленности Франции, начавшаяся еще 29 апреля 1891 года. В экспозиции были представлены часть экспонатов Всемирной Парижской выставки 1889 года. Конечно, Эйфелеву башню в Москву не привезли, но многое другое, ранее не виданное, заставило москвичей позавидовать французам.

Щусеву повезло оказаться в Москве именно во время проведения выставки. Мало сказать, что событие это было неординарным. Такого в истории России еще не случалось – возможность познакомиться с жизнью и нравами другой страны предоставлялась россиянам без необходимости выезжать за границу.

Посетители могли своими глазами убедиться, насколько велики достижения французов в науке, культуре и промышленности. Для большего удобства экспонаты были выставлены по отделам: печатный, книжный и литографический; часовой и картографический; медицинский; мебельный; парфюмерный; ювелирный; горный и металлургический; механический; железнодорожный; электрический; морской; военный; сельскохозяйственный и прочие. Щусева, прежде всего, интересовали художественный и архитектурный отделы.

Уровень организации выставки, устроенной на Ходынском поле, был весьма высоким – ее удостоила своим посещением царская семья во главе с самим Александром III. Для пребывания августейшего семейства был обустроен особый Императорский павильон.

Чтобы доехать до Ходынского поля, достаточно было воспользоваться линией конки, специально проложенной от Страстного монастыря. Конка (или конно-железная) дорога Алексею понравилась. Это в Кишиневе легко было пешком дойти в другой конец города, а в Москве без этого вида транспорта было не обойтись.

Многое поразило Алексея на Ходынском поле – и огромный Центральный павильон в том же псевдорусском духе, украшенный гербами и флагами России и Франции, и готический деревянный замок, призванный продемонстрировать военные успехи Французской Республики, и специально выстроенная панорама для показа огромной панорамы «Коронование государя императора Александра III 15 июля 1883 года», исполненной мастером подобных произведений художником Теофилом Пуальпо. Правда, Щусева она не слишком заинтересовала.

Долго бродил он по залам художественного отдела, здесь было на что положить глаз. Французы привезли в Москву немало произведений изобразительного искусства – и академиков, и импрессионистов – Клода Моне и Эдгара Дега. Но москвичей они не прельстили.

²⁴ Цит. по: Борисова А. Е. Русская архитектура второй половины XIX века. М.: Наука, 1979.

Андрей Белый вспоминал: «В ту пору открылась французская выставка; мать брала мадемуазель и меня на нее очень часто; мы много бродили и кушали вкусные французские вафли; я удивлялся машинному отделению (беги ремней, верч колес, шелк колончатой стали); но более я удивлялся явлению, над которым Москва хохотала: французским импрессионистам (Дегазу, Моне и т. д.); наши профессорши негодовали: “Вы видели?.. Ужас что... Наглое издательство!”

Видел и я; и, увидевши, я почему-то задумался; мое художественное образование равнялось “нулю”; кроме живописи храма Спасителя, да репродукций с Маковского иль с Верещагина, я ничего не видал; у меня не могло быть предвзятости иль понимания, сложенного на традициях той или иной школы; и я, останавливаясь пред приятным и пестрым пятном, “безобразием” нашумевшего “Стога”, ужасно печалился, что не умею я разделить негодования матери и мадемуазель; говоря откровенно: французские импрессионисты мне нравились тем, что пестры и что краски приятно сбегались в глаза мне; но я утаил впечатленье, запомнив его; и не раз потом я размышлял над тем странным, но не неприятным переживанием; “странным, но не неприятным”, – подчеркиваю: эта “странность” казалась знакомой мне; будто она намекала на нечто, что некогда мною изведено было; и подавались первейшие переживанья сознания на рубеже между вторым и третьим годом жизни (быть может, тогда я так и видел предметы?)»²⁵.

Осталась в памяти Щусева картина «Благословение новобрачных», автор которой Паскаль Адольф Жан Даньян-Бувре получил известность как певец крестьянского быта, близкий к Жюлю Бастьен-Лепажу и Жюлю Бретону. Вкус у Щусева оказался хорошим – эту картину приобрели братья Третьяковы для своей галереи (ныне она экспонируется в Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина). Почему Алексею запомнилась эта картина? Быть может, изображение непритязательного эпизода из жизни простонародья навало ему такие знакомые и родные мотивы...

Но как не уютно было Щусеву среди полотен Французской выставки, пришла пора отправляться в путь. Хотя он мог и остаться в Москве. Ведь в старой российской столице было собственное учебное заведение, готовившее архитекторов, – Училище живописи, ваяния и зодчества, существовавшее с 1843 года и выпустившее немало прекрасных мастеров. Это и представители династии Шервуд, Карл Гиппиус, Анатолий Гунст, Георгий Евланов, Сергей Залесский, Виктор Мазырин, Александр Мейснер...

Но училище не прельстило Щусева, признававшегося в автобиографии: «Что же касается Училища живописи, ваяния и зодчества, то оно занимало какое-то промежуточное положение. Это было не высшее учебное заведение, но и не среднее. Кончившие училище живописи получали звание архитектора. Но если кто-либо из них хотел получить более высокую степень, то ехал кончать Академию художеств».

Честолюбия молодому Щусеву было не занимать. Даже не верится, что поначалу он не разглядел Москву и не оценил ее по достоинству – город, который теперь невозможно представить без щусевских зданий.

²⁵ См.: Андрей Белый на рубеже двух столетий: Воспоминания: В 3 кн. М.: Художественная литература, 1989. Кн. 1.

В Петербурге: мечты сбываются

«Никакие академии, никакие гениальные художники-учителя не в состоянии не только создать, но и правильно развить талант», – писал Илья Репин. Удивительный факт – поступая в Императорскую Академию художеств, Щусев еще не решил окончательно, кем хочет стать – художником или архитектором. Но эта неопределенность нисколько не смущала Алексея, увидевшего, наконец, Петербург, так манивший его с детских лет. На стенах его кишиневского дома висели многочисленные старые литографии с видами Северной Пальмиры. Более всего запомнилось ему изображение знаменитого Банковского моста с крылатыми львами – одним из символов города на Неве.

Впоследствии Щусев признавался одному из своих коллег, что на всю жизнь так и остался петербуржцем-ленинградцем, а в Москве чувствовал себя лишь гостем: «Щусев как-то сказал, что он считает себя ленинградцем, лишь временно выехавшим в Москву, для того чтобы строить Казанский вокзал. Он очень любил наш город (Ленинград. – А. В.), любил Академию художеств, которая его воспитала, воспитала в нем архитектора и художника»²⁶.

Москва – Москвою, но другое дело – Петербург, повлиявший на творческое становление личности и развитие таланта скольких одаренных людей, отдававших дань городу в своих произведениях, как это сделал Александр Пушкин:

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное течение,
Береговой ее гранит,
Твоих оград узор чугунный,
Твоих задумчивых ночей
Прозрачный сумрак, блеск безлунный,
Когда я в комнате моей
Пишу, читаю без лампады,
И ясны спящие громады
Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла...

А вот как пишет Щусев: «Прямая широкая перспектива Невского проспекта, шпиль Адмиралтейства, Исаакий, Медный всадник и, наконец, широкая Нева с пароходами, набережными и суетливым движением, все это производило на приезжего юношу большое впечатление. Величественное и строгое здание Академии художеств со статуями сфинксов на набережной как бы оправдывало мои мечты и стремления...» Трудно воздержаться от прямых аналогий процитированных текстов. Ясно, что авторы их Петербургом зачарованы, поглощены, всей грудью вдыхают его воздух.

В РГИА хранится личное дело Щусева Алексея Викторовича, начатое в Академии художеств 21 июня 1891 году. Одним из первых документов является прошение в адрес правления Академии художеств о допущении к конкурсному экзамену:

«Представляя при этом аттестат зрелости, выданный мне из Кишиневской 2-й гимназии за номером 436 и копию с аттестата отца за номером 11684, свидетельство о моем рождении и крещении за номером 1173, свидетельство о приписке к призывному участку за номером 1522 и копии с вышеозначенных документов, имею честь покорнейше просить Правление Акаде-

²⁶ ЦГАЛИ СПб. Ф. 341. Оп. 1. Д. 504. Л. 4–5.

мии подвергнуть меня испытаниям для поступления в Академию художеств по архитектурному отделу, а затем зачислить в студенты Академии. При этом честь имею присовокупить, что сведения о моей политической благонадежности будут доставлены в Правление.

Июня 17 дня 1891 года»²⁷.

Благонадежность Щусева подтверждалась положительной характеристикой, данной ему директором 2-й Кишиневской гимназии Алаевым, где на Алексея смотрели как на восходящую звезду, а талантам, как известно, надо помогать. И потому, когда Щусев начнет грызть гранит науки в стенах академии, из родного Кишинева придет радостная весть – ему будут платить стипендию аж 300 целковых! Это станет серьезным подспорьем для Щусева, ведь для безбедного проживания в Петербурге нужны немалые деньги, и если бы не решение Кишиневского земства, в очередной раз (как и в случае с оплатой за обучение в гимназии) вспомнившего о заслугах его отца Виктора Петровича, неизвестно еще, как сложилась бы учеба в академии. Правда, имелось одно условие для получения стипендии – Щусев должен был успешно учиться, а посему из Кишинева в адрес академии регулярно посылались запросы. К удовлетворению кишиневских земцев, получаемые ими из столицы ответы содержали исключительно положительную характеристику студента Щусева. В родном городе быстро узнали, что Алексей не зря ест свой хлеб и стипендию получает заслуженно.

Но успехи были еще впереди. А пока, разумно рассудив, что готовиться к вступительным испытаниям в Академии логичнее всего на месте, Алексей приехал в Петербург заранее. Позднее он напишет: «Я робко вошел в канцелярию, где узнал о допущении меня к конкурсным экзаменам». Теперь предстояла серьезная подготовка к сдаче главного предмета – рисования.

Не зря ученики 2-й Кишиневской гимназии сетовали на своего преподавателя Голынского. Начав готовиться к экзамену по рисованию в академическом музее, Щусев понял, как сильно он отстает от других абитуриентов. А потому Алексей принялся «лихорадочно и упорно работать над рисунком с гипсовых голов», как он сам будет вспоминать позднее. Ну а первым питерским адресом Щусева стала 5-я линия Васильевского острова, где он нанял комнату.

Наконец настало время вступительных испытаний. Экзамен по живописи он сдал 20 августа 1891 года на четверку. Но эта четверка по своей ценности была равна самому высшему баллу. Соперники Щусева были поражены, как удалось ему всего за несколько недель так сильно прибавить. Одну из его работ даже присмотрели для академического музея. Такие же оценки поставили по арифметике, геометрии и физике, по остальным двум предметам – алгебре и тригонометрии – Щусев получил тройки.

26 августа 1891 года Алексей Щусев стал студентом первого курса архитектурного отделения «особой трех знатнейших художеств академии». Последнее определение было дано графом Иваном Шуваловым, предложившим императрице Елизавете Петровне учредить Академию художеств, но не в Петербурге, а в Москве. И хотя поначалу в 1758 году академия действительно была придана Московскому университету, впоследствии Шувалов переманил ее к себе в Петербург.

Первый академический устав утвердила уже Екатерина II в 1764 году, в соответствии с ним академии придавалось воспитательное училище, куда принимались мальчики пяти-шести лет. Число учеников академии императрица определила в 60 человек. Причем в первой главе устава оговаривалось важное условие: принимать в академию следовало всех, «какого бы звания они не были, исключая одних крепостных, не имеющих от господ своих увольнения, но в тоже время, “поелику сие учреждение дает преимущество бедным, то и принимать прежде сирот”»²⁸.

²⁷ РГИА. Ф. 789. Оп. 11 1891 г. Д. 128. Личное дело Щусева Алексея Викторовича.

²⁸ Юбилейный справочник Императорской Академии художеств. 1764–1914: В 2 т. / Сост. С. Н. Кондаков. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1914–1915. Т. 1. С. 154.

Учиться детям предстояло ни много ни мало девять лет! «А дабы в обучении был совершенный порядок», то решено было разделить их на три класса: детский, отроческий, юношеский. В течение столь длительного срока ученики получали не только общее, но и специальное образование по трем отделам: живописи, скульптуре и архитектуре.

В детском классе, от шести до девяти лет, преподавали Закон Божий, чтение и писание русского и иностранных языков, рисование, основы арифметики. В отроческом классе, с девяти до двенадцати лет, к указанным предметам добавлялись геометрия, география, история, а также «краткие правила благонравия, и что еще по способности каждого за полезное признано будет». Наконец, с двенадцати до пятнадцати лет, в юношеском классе преподавали математику, физику, архитектуру и «делание чертежей».

Экзамены в юношеском классе проводились каждые полгода, дабы выявить среди учеников способных к дальнейшему обучению в академических классах. Но ведь не все же из прочувшихся девять лет обладали талантами – тех, кто не проявил себя в художественных дисциплинах, следовало отдавать в ремесленные мастерские при академии, в частности, в граверную или литейную. Ну а тех, кто вовсе не прошел испытаний, повелевалось из училища исключать.

Ну а какова же была судьба одаренных юношей, отучившихся девять лет и отлично сдавших экзамены? Их ждало новое образование – в академических классах, на этот раз в течение шести лет.

Мы не зря так подробно рассказываем об академии, и о том, что сироты принимались туда в первую очередь, и что сословное происхождение не имело большого значения для будущих студентов. Академия художеств была не просто учебным заведением, а тем горнилом, где выковывалась новая художественная элита России, призванная создать свой национальный художественный стиль и в живописи, и в скульптуре, и в зодчестве. Так что Щусев попал в учебное заведение, богатое многолетними культурными традициями.

По сути, Екатерина II выполняла заветы Петра Великого, мечтавшего о том, чтобы молодежь российская училась всем наукам и искусствам не на Западе, а в России. Когда читаешь устав академии, удивляешься тем привилегиям, которые распространялись на ее выпускников.

Например, ученики воспитательного училища, студенты академии, сами академики были пожалованы небывалой привилегией: право на вольность «с их детьми и потомками в вечные роды быть совершенно свободными и вольными, и никакому правительству ни в военную, ни в штатскую службу их не принуждать и без добровольного с ними договора ни к какой работе не приневоливать». Более того, если указанные лица вступали в брак с крепостными, то жены их, а также и народившиеся дети автоматически освобождались от крепостной зависимости.

Итак, первые выпускники учились дольше всех – сначала девять лет в училище, затем шесть лет в академии, итого пятнадцать лет, по истечению которых выпускники получали аттестаты, шпаги и послабления при поступлении на государственную службу. Тех же, кто особо отличился, отправляли за казенный счет на стажировку в Европу.

Александр I в 1802 году сократил обучение в академии до двенадцати лет за счет того, что в училище стали принимать детей в возрасте от восьми до девяти лет. Новый император подтвердил, что «академия содержит воспитанников на казенном иждивении»²⁹.

Но учиться не стало легче, поскольку в расписании прибавилось предметов, причем сложных. Будущие архитекторы усиленно штудировали не только геометрию, но и геодезию, нивелирование, статику и динамику, стереотомию, а на заключительных курсах – теорию гражданской архитектуры, историю зодчества и «славных архитекторов», а еще «правила гидравлической архитектуры относительно до сооружения мельниц, мостов, плотин, дорог, каналов, плотин и шлюзов».

²⁹ Юбилейный справочник Императорской Академии художеств. 1764–1914: В 2 т. / Сост. С. Н. Кондаков. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1914–1915. Т. 1. С. 164.

Николай I в 1830 году своим «Прибавлением к установлениям Императорской Академии художеств» внес еще большие изменения в правила приема в академию, повысив возраст поступающих до четырнадцати лет. Обосновывалось это тем, что «вследствие слишком юного возраста учеников подготовительного при академии училища, в них не могла тогда еще определяться и проявляться любовь и способности к художествам». А поступающим в архитектурный класс следовало знать черчение. Наконец, выпускники академии могли претендовать на звание классных и неклассных художников.

В 1840 году Воспитательное училище при Академии художеств было и вовсе упразднено. Все прочие предметы, кроме преподавания изящных искусств и сопутствующим им дисциплинам, были отменены: «Преподавание наук также отменяется поелику, поступающие в Академию ученики могут проходить оныя в гимназиях и других учебных заведениях».

А в 1859 году был принят новый устав академии, по его правилам и предстояло учиться Щусеву первые два года. Руководили учебным процессом два ректора – по живописи и скульптуре, а также по архитектуре. На курс обучения принимали молодых людей в возрасте от шестнадцати до двадцати лет. Будущим студентам вменялось в обязанность владеть такими навыками в изобразительном искусстве, которые позволили бы им выдержать вступительные испытания по рисованию с гипсовых голов.

«По уставу Академии художеств 1859 года, – писал Илья Репин, – при Академии был научный курс, растянутый на шесть лет. Кроме специальных предметов проходились и некоторые элементарные – физика, часть химии, всеобщая история, русская словесность (входила психология), история Церкви, Закон Божий и еще что-то – по две лекции в день: утром от половины восьмого до девяти с половиной и днем от трех до четырех с половиной. Считалось три курса, так как каждый курс шел два года»³⁰.

И наконец, последний академический устав 1893 года, принятый уже в разгар учебы Щусева, учредил при академии Высшее художественное училище живописи, скульптуры и архитектуры, принимавшее в свои ряды представителей всех сословий, имевших за плечами шесть классов гимназии. Свободы для развития молодых талантов было предоставлено этим уставом более чем достаточно. А уж для Щусева такие условия были просто необходимы.

³⁰ См.: Репин И. Е. Далекое близкое / Вступ. ст. К. Чуковского. М.: Захаров, 2002.

Уроки Архипа Куинджи

За многие прошедшие со дня основания академии годы неусыпное императорское внимание превратило ее в крупнейшую художественную школу Российской империи, воспитавшую немало выдающихся учеников, среди которых, в первую очередь, следует назвать живописцев – Федора Рокотова, Дмитрия Левицкого, Ореста Кипренского, Василия Тропинина, Сильвестра Щедрина, Карла Брюллова, Александра Иванова, Павла Федотова, Ивана Крамского, Василия Сурикова, Валентина Серова, Илью Репина, Игоря Грабаря, а также архитекторов – Василия Баженова, Андрея Воронихина, Андрея Захарова, Василия Стасова и скульпторов – Федота Шубина, Михаила Козловского, Ивана Мартоса, Петра Клодта, Марка Антокольского и других. В эту блестящую творческую плеяду входит и Алексей Щусев.

Восемнадцатилетний юноша из провинциального Кишинева попал не просто в высшее учебное заведение, а в храм трех искусств. Уже само здание академии на Университетской набережной Невы, выстроенное в 1764–1788 годах по проекту выдающихся зодчих Жана Батиста Валлен-Деламота и Александра Кокоринова, внушало трепет всем входящим в его своды. По сути, это был один из первых воплощенных в камне символов просвещенной екатерининской эпохи.

В том году, когда Алексей Щусев вступил в стены академии, она переживала непростые времена, став объектом критики со стороны прогрессивной художественной общественности, приравнявшей само слово «академия» к понятиям «догма и консерватизм». Особенно неприимим был критик Владимир Васильевич Стасов, считая академию реакционным учреждением, преградой на пути развития подлинного русского искусства.

Вопрос о необходимости перестройки образовательного процесса академии обсуждался давно. Еще в 1863 году группа выпускников академии во главе с Иваном Николаевичем Крамским демонстративно и со скандалом отказалась от участия в конкурсе на большую золотую медаль, приуроченном к столетнему юбилею академии. Дело в том, что в соответствии с многолетней традицией, складывавшейся еще с екатерининских времен, в конкурсе на большую золотую медаль «Первого достоинства», позволявшей получить право на шестилетнее проживание в Италии за счет Императорской Академии художеств, могли принимать участие лишь обладатели малой золотой медали «За успех в рисовании».

Вопрос финансирования всегда был краеугольным камнем художественной политики, особенно если главным спонсором являлось государство. Российская империя щедро оплачивала творческие отпуска своих выдающихся художников. Обладатели большой золотой медали могли рассчитывать на весьма приличную пенсию – 1500 золотых рублей в год, что позволяло им безбедно существовать и полностью сосредоточиться на творчестве, не задумываясь о том, как добыть деньги на пропитание.

Но войти в число избранных было ох как не просто. Объявив участникам конкурса темы для будущих картин, их на сутки закрывали в мастерских. За 24 часа художники должны были не только выдумать сюжет, но и нарисовать эскиз своего произведения. Однако в том самом 1863 году правила были изменены. Среди прочего, художникам запретили участвовать в конкурсе более одного раза, кроме того, они были лишены возможности свободного выбора сюжета картины. В ответ на это бунтовщики потребовали вернуться к прежним правилам. История кончилась исключением из академии художников, организовавших свою собственную «Артель».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.